Тысяча и одна ночь

Том III

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том III

«ФТМ»

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том III / Эпосы, легенды и сказания — «ФТМ», — (Тысяча и одна ночь)

ISBN 978-5-4467-2992-0

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш. «1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные. Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира. В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

ISBN 978-5-4467-2992-0

© Эпосы, легенды и сказания
© ФТМ

Содержание

Рассказ о Ганиме ибн Айюбе (ночи 39–45) 5
Тридцать девятая ночь 6
Рассказ первого евнуха (ночь 39) 8
Рассказ второго евнуха (ночи 39–40) 9
Ночь, дополняющая до сорока 10
Сорок первая ночь 14
Сорок вторая ночь 19
Сорок третья ночь 22
Сорок четвертая ночь 24
Сорок пятая ночь 26
Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-аль Макане, 27
Сорок шестая ночь 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Тысяча и одна ночь
Том III

Рассказ о Ганиме ибн Айюбе (ночи 39–45)

Но рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис не удивительнее повести о купце и его детях», – продолжала Шахразада.

«А как это было?» – спросил Шахрияр.

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия один купец, у которого водились деньги. Еще был у него сын, подобный луне в ночь полнолуния, красноречивый языком, по имени Ганим ибн Айюб, порабощенный, похищенный любовью. А у Ганима была сестра по имени Фитна, единственная по красоте и прелести. И их отец скончался и оставил им денег…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать девятая ночь

Когда же настала тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что тот купец оставил им большое состояние и, между прочим, сто тюков шелка, парчи и мешочков мускуса[1], и на этих тюках было написано: «Это из того, что приготовлено для Багдада», – у купца было намерение отправиться в Багдад. А когда его взял к себе Аллах великий и прошло некоторое время, его сын забрал эти тюки и поехал в Багдад. Это было во времена халифа Харуна ар-Рашида. И сын простился со своей матерью, близкими и согражданами перед тем, как уехать, и выехал, полагаясь на Аллаха великого, и Аллах начертал ему благополучие, пока он не достиг Багдада, и с ним было множество купцов. И он нанял себе красивый дом и устлал его коврами и подушками и повесил в нем занавески и поместил в доме эти тюки и мулов и верблюдов и сидел, пока не отдохнул, а купцы и вельможи Багдада приветствовали его. А потом он взял узел, где было десять отрезов дорогой материи, на которых была написана их цена, и отправился на рынок. И купцы встретили его словами: «Добро пожаловать!» и приветствовали его и оказали почет и помогли ему спешиться и посадили рядом со старостою рынка. Потом Ганим подал старосте узел, и тот развязал его и вынул куски материи, и староста рынка продал для него эти отрезы. И Ганим нажил на каждый динар два таких же динара. Он обрадовался и стал продавать материи и обрезы, один за другим, и занимался этим целый год.

А в начале следующего года он подошел к галерее[2], бывшей на рынке, и увидел, что ворота ее заперты, и когда он спросил о причине этого, ему сказали: «Один из купцов умер, и все купцы ушли, чтобы быть на его похоронах. Не хочешь ли ты получить небесную награду, отправившись с ними?» И Ганим отвечал: «Хорошо!» – и спросил о месте погребения. И ему указали это место, и он совершил омовение и шел с купцами, пока они не достигли места молитвы и не помолились об умершем, а потом все купцы пошли перед носилками на кладбище, и Ганим последовал за ними в смущении.

А они вышли с носилками из города и, пройдя меж гробниц, дошли до могилы и увидели, что родные умершего уже разбили над могилой палатку, принесли свечи и светильники. И затем мертвого закопали, и чтецы сели читать Коран над его могилой, и купцы тоже сели, и Ганим ибн Айюб сел с ними, и смущение одолело его, и он говорил про себя: «Я не могу оставить их и уйду вместе с ними».

И они просидели, слушая Коран, до времени ужина, и им подали ужин и сладкое, и они ели, пока не насытились, а потом вымыли руки и остались сидеть на месте. Но душа Ганима была занята мыслями о его доме и товарах, и он боялся воров. И он сказал про себя: «Я человек чужой и подозреваемый в богатстве; если я проведу эту ночь вдали от дома, воры украдут деньги и тюки».

И, боясь за свое имущество, он встал и, попросив разрешения, ушел от собравшихся, сказав, что идет по важному делу. И он шел по следам на дороге, пока не достиг ворот города, а в то время была полночь, и он нашел городские ворота запертыми и не видал никого на дороге и не слышал ни звука, кроме лая собак и воя волков. И Ганим отошел назад и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я боялся за свои деньги и шел ради них, но нашел ворота закрытыми и теперь боюсь за свою душу!»

После этого он повернул назад, чтобы присмотреть себе место, где бы проспать до утра, и увидел усыпальницу, окруженную четырьмя стенами, где росла пальма, и там была открывая дверь из камня. И он вошел в усыпальницу и хотел заснуть, но сон не шел к нему. Его охва-

---

[1] Мускус – вещество с резким своеобразным запахом, выделяемое одной из желез кабарги (млекопитающее из семейства оленей). Сохраняется в этой засушенной мешковидной железе.

[2] Имеется в виду крытый рынок, где лавки расположены в два ряда

тил страх и тоска, так как он был среди могил. И тогда он поднялся на ноги, и открыл дверь гробницы, и посмотрел – и вдруг видит: вдали, со стороны городских ворот, свет. И, пройдя немного, он увидал, что этот свет на дороге движется к той гробнице, где он находился. И тут Ганим испугался за себя и, поспешив закрыть дверь, стал взбираться на пальму, и влез наверх, и спрятался в ее маковке.

А свет все приближался к гробнице понемногу, понемногу, пока совсем не приблизился к усыпальнице. Ганим присмотрелся и увидал трех негров: двое несли сундук, а у третьего в руках был фонарь и топор.

Когда они подошли к усыпальнице, один из негров, несших сундук, воскликнул: «Что это, Сауаб!», а другой негр отвечал: «Что с тобой, о Кафур?» И первый сказал: «Разве не были мы здесь в вечернюю пору и не оставили дверь открытой?» – «Да, эти слова правильны», – отвечал другой, и первый сказал: «А вот она закрыта и заперта на засов!» И тогда третий, который нес топор и свет (а звали его Бухейтом), сказал им: «Как мало у вас ума! Разве вы не знаете, что владельцы садов выходят из Багдада и гуляют здесь, и, когда их застанет вечер, они прячутся здесь и запирают за собой дверь, боясь, что черные, вроде нас, схватят их, изжарят и съедят?» И они ответили: «Ты прав; клянемся Аллахом, нет среди нас умнее, чем ты». – «Вы мне не поверите, – сказал Бухейт, – пока мы не пойдем в гробницу и не найдем там кого-нибудь. Я думаю, что когда он заметил свет и увидел нас, он убежал со страху и забрался на верхушку этой пальмы».

И когда Ганим услышал слова раба, он произнес про себя: «О, самый проклятый из рабов! Да не защитит тебя Аллах за этот ум и за все это знание! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Что теперь освободит меня от этих негров?»

А те, что несли сундук, сказали тому, у которого был топор: «Влезь на стену и отвори нам дверь, о Бухейт, мы устали нести сундук на наших шеях. А когда ты откроешь нам дверь, тебе будет от нас один из тех, кого мы схватим. Мы изжарим его тебе искусно своими руками, так что не пропадет ни капли его жира!» – «Я боюсь одной вещи, о которой я подумал по малости моего ума, – отвечал Бухейт. – Перебросим сундук за стену – ведь здесь наше сокровище». – «Если мы его бросим, он может разбиться», – возразили они, но Бухейт сказал: «Я боюсь, что в гробнице прячутся разбойники, которые убивают людей и крадут вещи, потому что, когда наступает вечер, они укрываются в таких местах и делят добычу». – «О малоумный, разве они могут войти сюда?» – сказали ему те двое, что несли сундук. Потом они понесли сундук и, взобравшись на стену, спустились и открыли дверь, а третий негр, то есть Бухейт, стоял перед ними с фонарем, топором и корзиной, в которой было немного цемента.

А после этого они сели и заперли дверь, и один из них сказал: «О братья, мы устали идти и носить, ставить и открывать и запирать; теперь полночь, и у нас не осталось духу, чтобы вскрыть гробницу и закопать сундук. Вот мы отдохнем три часа, а потом встанем и сделаем то, что нам нужно, и пусть каждый расскажет нам, почему его оскопили, и все, что с ним случилось, с начала до конца, чтобы эта ночь скорее прошла, а мы отдохнули». И тогда первый, который нес фонарь (а имя его было Бухейт), сказал: «Я расскажу вам свою повесть», и ему ответили: «Говори!»

Рассказ первого евнуха (ночь 39)

«Братья, – начал он, – знайте, что, когда я был совсем маленький, работорговец привез меня из моей страны, и мне было тогда только пять лет жизни. Он продал меня одному военному, у которого была дочь трех лет от роду. И я воспитывался вместе с нею, и ее родные смеялись надо мной, когда я играл с девочкой, плясал и пел для нее. И мне стало двенадцать лет, а она достигла десятилетнего возраста, но мне не запрещали быть вместе с нею.

И в один день из дней я вошел к ней, а она сидела в уединенном месте и как будто только вышла из бани, находившейся в доме, так как она была надушена благовониями и куреньями, а лицо ее походило на круг полной луны в четырнадцатую ночь. И девочка стала играть со мной, и я играл с нею (а я в это время почти достиг зрелости), и она опрокинула меня на землю, и я упал на спину, а девочка села верхом мне на грудь и стала ко мне прижиматься. И она прикоснулась ко мне рукой и во мне взволновался жар, и я обнял ее, а девочка сплела руки вокруг моей шеи и прижалась ко мне изо всех сил. И не успел я опомниться, как я прорвал ее одежду и уничтожил ее девственность. И, увидев это, я убежал к одному из моих товарищей. А к девочке вошла ее мать и, увидав, что с нею случилось, потеряла сознание, а потом она приняла предосторожности и скрыла и утаила от отца ее состояние и выждала с нею два месяца, и они все это время звали меня и улещали, пока не схватили меня в том месте, где я находился, но они ничего не сказали ее отцу об этом деле из любви ко мне. А потом ее мать просватала ее за одного юношу-цирюльника, который брил отца девушки, и дала за нее приданое от себя и обрядила ее для мужа, и при всем этом ее отец ничего не знал о ее положении, и они старались раздобыть ей приданое. И после этого они неожиданно схватили меня и оскопили, а когда ее привели к жениху, меня сделали ее евнухом, и я шел впереди нее, куда она ни отправлялась, все равно, шла ли она в баню, или в дом своего отца. А ее дело скрыли, и в ночь свадьбы над ее рубашкой зарезали птенца голубя, и я провел у нее долгое время и наслаждался ее красотой и прелестью, целуясь и обнимаясь и лежа с нею, пока не умерли и она, и ее муж, и ее мать, и ее отец, а затем меня забрали в казну, и я оказался в этом месте и сделался вашим товарищем. Вот почему, о братья, у меня отрезали член, и конец».

Рассказ второго евнуха (ночи 39–40)

Второй негр сказал: «Знайте, о братья, что в начале моего дела, когда мне было восемь лет, я каждый год один раз лгал работорговцам, так что они между собой ссорились. И один работорговец впал из-за меня в беспокойство и отдал меня в руки посредника и велел ему кричать: «Кто купит этого негра с его пороком?» – «А в чем его порок?» – спросили его, и он сказал: «Он каждый год говорит одну ложь». И тогда один купец подошел к посреднику и спросил его: «Сколько давали за него денег с его пороком?» И посредник отвечал: «Давали шестьсот дирхемов». – «А тебе будет двадцать дирхемов», – сказал тогда купец, и посредник свел его с работорговцем, и тот получил от него деньги, а посредник доставил меня в дом этого купца и взял деньги за посредничество и ушел.

И купец одел меня в подобающую мне одежду, и я прожил у него, служа ему, весь остаток этого года, пока не начался, счастливо, новый год. А год этот был благословенный, урожайный на злаки, и купцы стали ежедневно устраивать пиры, так что каждый день собирались у одного из них, пока не пришло время быть пиру у моего господина, в роще за городом.

И он отправился с купцами в сад и взял все, что было им нужно из еды и прочего, и они сидели за едой, питьем и беседой до полудня. И тогда моему господину понадобилась одна вещь из дому, и он сказал мне: «Эй раб, садись на мула, поезжай домой и привези от твоей госпожи такую-то вещь и возвращайся скорей!» И я последовал его приказанию и отправился в дом. И, приблизившись к дому, я принялся кричать и лить слезы, и жители улицы, большие и малые, собрались около меня. Жена моего господина и его дочери услыхали мой крик, открыли ворота и спросили, в чем дело. И я сказал им: «Мой господин сидел у старой стены со своими друзьями, и стена упала на них, и когда я увидал, что с ними случилось, я сел на мула и скорее приехал, чтобы вам рассказать».

И, услышав это, его жена и дочери принялись кричать и рвать на себе одежду и бить себя по лицу. И соседи сошлись к ним, а что до жены моего господина, то она опрокинула все вещи в доме, одну на другую, и сломала полки и разбила окна и решетки и вымазала стены грязью и индиго и сказала мне: «Горе тебе, Кафур, пойди сюда, помоги мне. Сломай эти шкафы и перебей посуду и фарфор и другое!»

И я подошел к ней и стал с нею рушить полки в доме, со всем, что на них было, и обошел крыши и все помещение, разрушая их, и бил фарфор и прочее, что было в доме, пока все не было поломано, и при этом я кричал: «Увы, мой господин!»

А потом моя госпожа вышла с открытым лицом, имея только покрывало на голове и ничего больше, и с нею вышли ее дочери и сыновья, и они мне сказали: «Кафур, иди впереди нас и покажи нам то место, где находится твой господин, под стеною, мертвый, чтобы мы могли извлечь его из-под обломков и принести его в гробу и доставить в дом и сделать ему хороший вынос».

И я пошел впереди них, крича: «Увы, мой господин!» и они шли сзади меня с открытым лицом и головой и кричали «Ах, ах!» об этом человеке.

И на улице не осталось никого – ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни старухи, которая бы не шла с нами, и все они некоторое время били себя вместе с нами по лицу, горько плача. И я прошел с ними весь город, и народ спрашивал, в чем дело, и они рассказывали, что услышали от меня, и люди говорили: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» И кто-то сказал:

«Это не кто иной, как большой человек! Пойдемте к вали[3] и расскажем ему». И когда они пришли к вали и рассказали ему…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

---

[3] Вали – начальник городской полиции.

Ночь, дополняющая до сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда они пришли к вали и все рассказали ему, вали поднялся и сел верхом и взял с собою рабочих с лопатами и корзинами, и они пошли, следуя за мной, и с ними множество народу.

И я шел впереди них и бил себя по лицу и кричал, а моя госпожа и ее дочери были сзади и вопили. И я побежал впереди них и опередил их, крича и посыпая себе голову пылью и ударяя себя по лицу, и вбежал в тот сад, и мой господин увидел меня, когда я бил себя по лицу и кричал: «Увы, моя госпожа! Ах! Ах! Ах! Кто мне теперь остался, чтобы пожалеть меня, после моей госпожи! О, если бы я был за нее выкупом!»

И, увидев меня, мой господин оторопел, и лицо его пожелтело, и он воскликнул: «Что с тобою, Кафур, в чем дело?» И я ответил ему: «Когда ты послал меня домой, я вошел и увидел, что стена, которая в комнате, упала и свалилась на мою госпожу и ее детей». – «И твоя госпожа не уцелела?» – спросил он меня. И я сказал: «Нет, клянусь Аллахом, о господин мой, никто из них не остался цел, и первою умерла моя старшая госпожа». – «А цела ли моя маленькая дочь?» – спросил он. И я отвечал: «Нет». И тогда он сказал: «А как поживает мул, на котором я езжу? Он уцелел?» – «Нет, клянусь Аллахом, о господин мой, – отвечал я, – стены дома и стены стойла упали на все, что там было, даже на овец, гусей и кур. Все они превратились в груду мяса, и их съели собаки, и никто из них не остался жив». – «И твой старший господин тоже не уцелел?» – спросил мой хозяин. «Нет, клянусь Аллахом, из них не уцелел никто, – сказал я, – в ту минуту не осталось ни дома, ни обитателей. Не осталось от них и следа. А что до овец, гусей и кур, то их съели кошки и собаки».

И когда мой хозяин услышал мои слова, свет стал мраком перед его лицом, и он не мог владеть ни своей душой, ни своим умом, и не был в силах стоять на ногах, – такая на него нашла слабость. И его спина подломилась, и он разорвал на себе одежду и выщипал себе бороду и скинул тюрбан со своей головы и, не переставая, бил себя по лицу, пока на нем не показалась кровь, и кричал: «А! О мои дети! Ах! О моя жена! Ах! Горе тому, с кем случилось то, что случилось со мной!»

И купцы, его товарищи, закричали из-за его крика и заплакали с ним, сочувствуя его состоянию, и порвали на себе одежду. И мой господин вышел из того сада, продолжая бить себя по лицу из-за беды, которая его постигла, и от сильных ударов он стал как пьяный. И когда он с купцами выходил из ворот, они вдруг увидели большое облако пыли и услышали крики и вопли и, посмотрев на тех, кто приближался, увидали, что это вали и стражники, и народ, и люди, которые смотрели, а родные купца, позади них, кричали и вопили, горько и сильно плача.

Первыми, кого встретил мой господин, были его жена и дети. Увидав их, он оторопел и засмеялся и ободрился и сказал им: «Каково ваше состояние? Что случилось с вами в нашем доме и что с вами произошло?» И, увидя его, они воскликнули: «Слава Аллаху за твое спасение!» – бросились к нему, а его дети уцепились за него и кричали: «О наш отец! Слава Аллаху за твое спасение, о батюшка!»

И жена его спросила: «Ты здоров? Слава Аллаху, который дал нам увидеть твое лицо благополучным!» Она была ошеломлена, и ее ум улетел, когда она его увидала. «О господин, как случилось, что ты цел, ты и купцы, твои друзья?» – спросила она. А купец сказал: «Что случилось с вами в нашем доме?» И жена отвечала: «У нас все хорошо, мы в добром здоровье, и наш дом не постигло никакое зло, но только твой раб Кафур приехал к нам с непокрытой головой, в разорванной одежде, крича: «Увы, мой господин! Увы, мой господин!» И когда мы спросили его: «Что случилось, Кафур?» – он сказал: «На моего господина и его друзей,

торговцев, упала стена в саду, и они все умерли». – «Клянусь Аллахом, – воскликнул мой хозяин, – он сейчас пришел ко мне, крича: «О моя госпожа! О дети моей госпожи!» – и сказал: «Моя госпожа и ее дети – все умерли».

И он посмотрел по сторонам и увидел меня с разорванным тюрбаном на голове, а я кричал и горько плакал и сыпал землю себе на голову, и тогда он позвал меня, и я пошел к нему, и он воскликнул: «Горе тебе, скверный раб, сын развратницы, проклятый по породе! Что это за беды ты натворил! Но клянусь Аллахом, я непременно сдеру кожу с твоего мяса и отрежу мясо от твоих костей». – «Клянусь Аллахом, – отвечал я, – ты ничего не можешь со мною сделать, так как ты купил меня, несмотря на мой порок, и с этим условием. Свидетели будут свидетельствовать против тебя. Раз ты купил меня, несмотря на мой порок, и знал о нем, а заключался он в том, что я каждый год говорю одну ложь. Это – половина лжи, а когда год завершится, я скажу вторую половину, и будет целая ложь». – «О собака, сын собаки, о самый проклятый из рабов, – закричал на меня хозяин, – разве все это половина лжи! Это большое бедствие! Уходи от меня, ты свободен ради лика Аллаха!»[4] – «Клянусь Аллахом, – сказал я, – если ты меня освободил, то я тебя не освобожу. Пока год не окончится, я не скажу остальной половины лжи. А когда я ее закончу, отведи меня на рынок и продай за столько, за сколько ты меня купил, с моим пороком, но не освобождай меня, так как нет ремесла, которым я мог бы прокормиться. А этот вопрос, о котором я тебе сказал, относится к закону, и о нем упоминают законоведы в главе об освобождении раба».

И пока мы разговаривали, подошел народ, люди и обитатели всей улицы, женщины и мужчины, чтобы высказать соболезнование, и пришел вали со своими людьми, и мой господин и купцы пошли к вали и рассказали ему о происшествии и о том, что это только половина лжи.

И, услышав это от него, они нашли мою ложь великой и до крайности удивились и стали проклинать и бранить меня, а я стоял и смеялся и говорил: «Как мой господин убьет меня, когда он купил меня с этим пороком?»

Придя в свой дом, мой господин нашел его разрушенным, и это было делом моих рук, ибо я перебил в нем вещи, стоящие много денег. И жена его тоже била их, но она сказала своему мужу: «Это Кафур разбил посуду и фарфор».

И гнев моего хозяина увеличился, и он ударил рукою об руку и сказал: «Клянусь Аллахом, я в жизни не видал сына прелюбодеяния, подобного этому негру! Он говорит, что это половина лжи, так что же будет, если будет целая ложь? Он разрушит город или два города!»

И потом, от сильного гнева, он подошел к вали, и тот заставил меня претерпеть изрядную порку, так что я исчез из бытия и потерял сознание, а мой хозяин оставил меня в обмороке и привел ко мне цирюльника, который оскопил меня и прижег мне рану, и, очнувшись, я увидел себя евнухом. А мой господин сказал мне: «Как ты сжег мне сердце, лишив меня самых дорогих для меня вещей, так и я сжег твое сердце, лишив тебя самого дорогого члена». И потом он взял меня и продал за самую дорогую цену, так как я стал евнухом[5], и я не переставал вносить смуту в тех местах, куда меня продавали, и переходил от эмира к эмиру и от вельможи к вельможе. Меня продавали и покупали, пока я не вступил во дворец повелителя правоверных, но моя душа разбита, и хитрости отказываются служить мне, ибо я лишился своих ядер».

И, услышав его речи, оба негра засмеялись и сказали: «Ты дерьмо, сын дерьма и лжешь отвратительной ложью!» И потом они сказали третьему негру: «Расскажи нам твою историю». И тот сказал: «О сыны моего дяди, все, что вы рассказывали, – пустое. Вот я расскажу вам, почему мне отрезали ядра, хотя я заслуживал большего, чем это, так как я совершил блуд с моей госпожой и с сыном моего господина. Но моя история длинная, и теперь не время ее

[4] То есть без выкупа.

[5] Рабы-евнухи ценились дороже обыкновенных рабов.

рассказывать[6] так как утро, о сыны моего дяди, близко, и, быть может, взойдет день, а с нами еще будет этот сундук, и мы окажемся опозоренными, и пропадут наши души. Откройте-ка дверь. Когда мы отопрем ее и уйдем во дворец, я расскажу вам, почему мне отрезали ядра».

И он взобрался наверх и спустился со стены и отпер дверь, и они вошли и поставили свечу и стали рыть яму, по длине и ширине сундука, между четырьмя могилами, и Кафур копал, а Сауаб относил землю в корзинах, пока не вырыли яму в полчеловеческого роста, а потом они поставили в яму сундук и снова засыпали ее землей и, выйдя из гробницы, закрыли дверь и скрылись из глаз Ганима ибн Айюба.

И когда все установилось и никого не осталось и Ганим убедился, что находится там один, его сердце гонялось мыслью о том, что в сундуке, он сказал про себя: «Посмотрю-ка, что в этом сундуке!» Но он выждал, пока засверкала и заблистала заря и стал виден ее свет, и тогда он спустился с пальмы и стал разгребать землю руками, пока не отрыл сундука и не вытащил его. А потом он взял большой камень и ударил им по замку и разбил его и, подняв крышку, посмотрел в сундук, и вдруг видит – там лежит молодая женщина, одурманенная банджем[7], и дыхание ее поднимает и опускает ее грудь.

Она была красива и прелестна, и на ней были украшения и драгоценности из золота и ожерелья из дорогих камней, стоившие царства султана, цену которых не покрыть деньгами. И, увидав ее, Ганим ибн Айюб понял, что против этой девушки сговорились и одурманили ее банджем, и, убедившись в этом, он старался до тех пор, пока не извлек девушку из сундука и не положил ее на спину.

И когда она вдохнула дуновение ветра и воздух вошел ей в нос и в легкие, она чихнула и подавилась и закашлялась, и у нее из горла выпал кусок критского банджа, да такой, что если бы его понюхал слон, он наверное проспал бы от ночи до ночи. И она открыла глаза и обвела вокруг взором и сказала нежными, ясными словами: «Горе тебе, ветер, нет в тебе утоления для жаждущего и развлечения для утолившего жажду! Где Захр-аль-Бустан?» Но никто не ответил ей, и она обернулась назад и крикнула: «Сабиха, Шеджерет-ад-дурр, Нур-аль-худа, Паджмат-ас-субх! Горе тебе! Шахва, Нузха, Хульва, Зарифа, говорите!» Но никто не ответил ей, и тогда она повела глазами и воскликнула: «Горе мне! Ты хоронишь меня в могилах! О ты, который знает то, что в сердцах, и воздает в день воскресения и оживления! Кто это принес меня из-за занавесей и покрывал и положил между четырех могил?»

А Ганим стоял при этом на ногах, и он сказал ей: «О госпожа, нет ни покрывал, ни дворцов, ни могил, здесь только твой раб, похищенный любовью, Ганим ибн Айюб, которого привел к тебе знающий сокровенное, чтобы он спас тебя от этих горестей и добыл бы тебе все, до пределов желаемого». И он умолк, а девушка, убедившись, как обстоит дело, воскликнула: «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посланник Аллаха!» А потом она обернулась к Ганиму и, закрыв руками лицо, спросила нежными словами: «О благословенный юноша, кто принес меня в это место? Вот я уже очнулась». – «О госпожа, – отвечал Ганим, – пришли три негра, евнуха, и принесли этот сундук».

И потом он рассказал ей обо всем, что с ним случилось, и как его застиг вечер и он стал причиной ее спасения, а иначе она бы умерла, задохнувшись. А затем он спросил ее, какова ее история и в чем с нею дело, и она ответила: «О юноша, слава Аллаху, который послал мне подобного тебе! Теперь вставай, положи меня в сундук и выйди на дорогу и, если найдешь погонщика ослов или мулов, найми его свезти этот сундук, а меня ты доставь к себе домой, и, когда я окажусь в твоем доме, будет добро, и я расскажу тебе свою повесть и поведаю свою историю, и тебе достанется через меня благо».

---

[6] Рассказ третьего евнуха отсутствует во всех известных нам списках книги «Тысячи и одной ночи».

[7] Бандж – наркотик, известный в Европе под названием «гашиш» (точнее-хашиш).

И Ганим обрадовался и вышел из гробницы (а день уже засиял, и воздух заблистал светом, и люди вышли и стали ходить) и нанял человека с мулом и привел его к гробнице и поднял сундук, положив в него сначала девушку (а любовь к ней запала в его сердце), и пошел с нею, радостный, так как это было девушка ценою в десять тысяч динаров и на ней были одежды и украшения, которые стоили больших денег. И Ганим не верил, что достигнет своего дома, и внес сундук и открыл его…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок первая ночь

Когда же настала сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ганим ибн Айюб достиг с сундуком своего дома, он открыл его и вынул из него девушку, и она посмотрела и увидала, что это прекрасное помещение, устланное коврами радующих цветов, и увидела также материи, увязанные в тюки, и узлы, и прочее. И она поняла, что Ганим большой купец и имеет много денег, и открыла лицо, и посмотрела на него, и вдруг видит – это красивый юноша. И, увидав его, девушка его полюбила и сказала ему: «О господин, подай нам чего-нибудь поесть». И Ганим отвечал ей: «На голове и на глазах!»[8] А потом он пошел на рынок и купил жареного ягненка и блюдо сладостей и захватил с собой сухих плодов, на закуску, и свечей, и прихватил еще вина и то, что было необходимо из сосудов для напитков, и цветов и пришел домой со всеми этими покупками.

И когда девушка увидела его, она засмеялась и поцеловала его и обняла и принялась его ласкать, и его любовь увеличилась и обвилась вокруг его сердца. А потом они ели и пили, пока не подошла ночь.

И каждый из них полюбил другого, так как они были одних лет и одинаковой красоты. А когда наступила ночь, Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный любовью, поднялся и зажег свечи и светильники, и помещение осветилось. И он принес сосуды с вином и расставил зелень и сел с ней и стал наливать и поить ее, а она наливала и поила его. И оба они играли и смеялись и произносили стихи, и радость их увеличилась, и любовь друг к другу прикасалась к ним – да будет превознесен тот, кто соединяет сердца! И они поступали так, пока не приблизилось утро. И сон победил их, и каждый из них спал в своем месте, пока не настало утро. И тогда Ганим ибн Айюб встал и вышел на рынок и купил все нужное: еду, питье, зелень, мясо и вино и прочее – и принес это в дом и сел с нею есть.

И они ели, пока не насытились, а после этого он принес вино, и они пили и играли друг с другом, пока их щеки не покраснели, а глаза не почернели. И в душе Ганима ибн Айюба появилось желание поцеловать девушку и проспать с нею, и он сказал ей: «О госпожа, разреши мне один поцелуй с твоих уст, – может быть, он охладит огонь моего сердца». – «О Ганим, – сказала она, – потерпи, пока я напьюсь и исчезну из мира, и возьми от меня поцелуй тайно, чтобы я не узнала, что ты поцеловал меня». И она поднялась на ноги и сняла часть своей одежды и осталась сидеть в тонкой рубашке и шелковом платке, и тогда страсть Ганима зашевелилась, и он спросил: «О госпожа, не разрешишь ли ты мне то, о чем я тебя просил?» – «Клянусь Аллахом, – отвечала она, – тебе это не годится, так как на перевязи моей одежды написаны тяжелые слова». И сердце Ганима ибн Айюба разбилось, и его страсть усилилась, когда желаемое стало трудно достижимым, и он произнес:

«Просил я ту, по ком болел,
Одним лобзаньем боль унять.
«Нет, нет, – сказала, – никогда!»
Но я ответил ей: «Да, да!»
Она: «Охотою возьми,
Законным правом и смеясь».
«Насильно?» – я спросил, она ж
Сказала: «Нет, как щедрый дар».
Не спрашивай, что было, ты!
Аллах простит тебе, и все.

[8] Этими словами выражается безусловное повиновение.

О нас что хочешь думай ты, –
Любовь от мыслей злых нежней,
И нету дела мне потом,
Открыл ли это враг, иль скрыл».

И после этого его любовь увеличилась, и огни вспыхнули в его сердце. Вот! А она защищалась от него и говорила: «Нет тебе ко мне доступа!» И они проводили время в любви и застольной беседе, и Ганим ибн Айюб потонул в море любовного безумия, она же стала еще сильнее упорствовать и чиниться, пока не пришла ночь с ее мраком и не опустила на них полы сна.

И Ганим встал и зажег светильники и засветил свечи и обновил трапезу и зелень и, взяв ноги девушки, стал целовать их и нашел, что они подобны свежему сливочному маслу. И он потерся о них лицом и сказал: «О госпожа моя, сжалься над пленником твоей любви, убитым твоими глазами! Мое сердце было бы невредимо, если бы не ты!» После этого он немного поплакал, и она сказала ему: «О господин мой и свет моих глаз, клянусь Аллахом, я люблю тебя и доверяю тебе, но я знаю, что ты меня не достигнешь». – «А в чем же препятствие?» – спросил он, и она сказала: «Сегодня ночью я расскажу тебе мою историю, и ты примешь мои извинения».

Потом она бросилась к нему и обвила его шею и поцеловала его и стала его уговаривать и обещала ему единение. И они до тех пор играли и смеялись, пока любовь друг к другу не овладела ими. И они продолжали пребывать в таком положении и каждую ночь спали на одной постели, но всякий раз, как Ганим требовал от нее единения, она сопротивлялась ему в течение целого месяца.

И сердцем каждого из них овладела любовь к другому, и у них не осталось терпения быть друг без друга, и когда наступила некая ночь из ночей, Ганим спал вместе с нею, и оба были опьянены. Он протянул руку к ее телу и погладил его, а затем он провел рукой по ее животу и спустился до пупка, и тогда она пробудилась, и села прямо, и осмотрела свои одежды, и, увидев, что они завязаны, снова заснула. И Ганим погладил ее рукой и спустился к ее шальварам и перевязи и потянул ее, и тогда девушка проснулась и села прямо, и Ганим сел рядом с ней, и она спросила его: «Чего это ты хочешь?» – «Я хочу с тобой поспать и чтобы мы насладились», – отвечал Ганим, и она сказала ему: «Теперь я объясню тебе мое дело, чтобы ты знал мой сан и тебе открылась моя тайна и стали явными мои оправдания». – «Хорошо», – отвечал Ганим. И тогда она разорвала подол своей рубашки и, протянув руку к перевязи, стягивавшей ее одежду, сказала ему: «О господин, прочитай, что написано по краям этой перевязи». И Ганим взял перевязь в руку и взглянул на нее и увидел, что на ней вышито золотом: «Я твоя, а ты мой, о потомок дяди пророка!»[9] И, прочтя это, он опустил руку и сказал девушке: «Открой мне твое дело!» И она отвечала: «Хорошо! Знай, что я наложница повелителя правоверных и мое имя Кут-аль-Кулуб. Повелитель правоверных воспитал меня в своем дворце, и я выросла, и халиф увидал мои качества, и красоту, и прелесть, которую даровал мне Господь, и полюбил меня сильной любовью.

И он взял меня и поселил в отдельном помещении и назначил десять невольниц прислуживать мне, и подарил мне эти украшения, которые ты видишь на мне. И в один из дней халиф отправился в какую-то страну, и Ситт-Зубейда[10] пришла к одной из невольниц, служивших мне, и сказала: «До тебя есть нужда». – «А какая, о госпожа?» – спросила девушка, и Ситт-

[9] Дядя Пророка – аль-Аббас ибп Абд-аль-Мутталиб – дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии Аббасидов, правившей восточным халифатом с 750 года до взятия Багдада монголами в 1258 году. Харун ар-Рашид был пятым халифом этой династии.

[10] Ситт-Зубейда – любимая жена Харуна ар-Рашида.

Зубейда сказала: «Когда твоя госпожа Кут-аль-Кулуб заснет, положи этот кусок банджа ей в ноздри или в ее питье и тебе будет от меня достаточно денег».

И невольница отвечала ей: «С любовью и охотой!» – и взяла от нее бандж, радуясь обещанным деньгам. Она была сначала невольницей Ситт-Зубейды, а затем пришла ко мне и положила бандж в мое питье. И когда настала ночь, я выпила его, и, как только бандж утвердился во мне, я упала на землю, и моя голова оказалась у моих ног, и я не успела опомниться, как уже оказалась в другом мире. А Ситт-Зубейда, когда удалась ее хитрость, положила меня в этот сундук и, тайно призвав негров, подкупила их так же, как и привратников, и отослала негров со мною в ту ночь, когда ты спал на пальме. И они сделали со мною то, что ты видел, и мое спасение пришло от тебя. Ты принес меня в это место и оказал мне крайнюю милость. Вот моя повесть и мой рассказ, и я не знаю, что произошло с халифом в мое отсутствие. Знай же мой сан и не объявляй о моем деле».

И когда Ганим ибн Айюб услышал слова Кут-аль-Кулуб и убедился, что она наложница повелителя правоверных, он отодвинулся от нее, и его охватило почтение к сану халифа, и он сидел один, упрекая себя и раздумывая о своем деле и призывая свое сердце к терпению. И он пребывал в растерянности, влюбленный в ту, до кого ему не было доступа, и плакал от сильной страсти, сетуя на пристрастие судьбы и ее враждебность. (Да будет превознесен тот, кто занял сердце мыслью о любви и любимой!) И он произнес:

«Знай – сердце влюбленного бранят за любимых,
И ум похищен его их прелестью дивной.
Спросили меня: «Каков вкус страсти?» – и молвил я:
«Сладка хоть любовь, но в ней таится мученье».

И тогда Кут-аль-Кулуб поднялась к нему и обняла его и поцеловала, и любовь к нему овладела ее сердцем, и она открыла ему свою тайну, какова ее любовь к нему и обвила руками шею Ганима и целовала его, но он защищался от нее, боясь халифа. И они поговорили некоторое время, утопая в море любви друг к другу, а когда взошел день, Ганим поднялся и надел свои одежды и вышел, как обычно, на рынок. И он взял все, что было нужно, и вернулся домой и нашел Кут-аль-Кулуб плачущей, но, увидев его, она перестала плакать, и улыбнулась, и сказала: «Ты заставил меня тосковать, о возлюбленный моего сердца! Клянусь Аллахом, этот час, когда ты отсутствовал, был точно год из-за разлуки с тобой! Вот я изъяснила тебе, каково мое состояние от сильной любви к тебе; подойди же теперь ко мне, оставь то, что было, и удовлетвори свое желание со мной». – «Прибегаю к защите Аллаха! – воскликнул Ганим, – этого не будет! Как сидеть собаке на месте льва! То, что принадлежит господину, для раба запретно!»

И он вырвался от нее и сел подальше, на циновку, а она еще больше полюбила его из-за его сопротивления. А потом она села с ним рядом и стала пить и играть с ним, и он опьянел, и девушка обезумела от желания принадлежать ему. И она запела и произнесла:

«Душа того, кто пленен любовью, терзается,
Так доколе будешь вдали держаться, доколе же?
О ты, кто лик отвращаешь свой, хоть невинна я,
Ведь газель посмотрит всегда назад, убегая вдаль.
Отдаление и всегда разлука и вечно даль –
Ведь снести все это не может сразу юноша».

И Ганим ибн Айюб заплакал, и она заплакала из-за его плача, и они не переставали пить до ночи, а потом Ганим поднялся и постелил две постели, каждую в отдельном месте.

И Кут-аль-Кулуб спросила его: «Для кого эта вторая постель?» И он отвечал ей: «Эта – для меня, а другая – для тебя. С сегодняшней ночи мы будем спать только таким образом, ибо то, что принадлежит господину, для раба запретно». – «О господин, – сказала она, – избавь нас от этого; все течет по решению и предопределению». Но Ганим отказался, и огонь вспыхнул в сердце Кут-аль-Кулуб, и ее страсть увеличилась, и она уцепилась за него и воскликнула: «Клянусь Аллахом, мы будем спать только вместе!» Но он отвечал: «Сохрани Аллах!» И одержал над ней верх и проспал один до утра, а Кут-аль-Кулуб испытывала великую любовь, и ее страсть, влечение и влюбленность усилились.

И так они провели три долгих месяца, и всякий раз, как она приближалась к нему, он сопротивлялся ей и говорил: «То, что принадлежит господину, для раба запретно!» Так продолжались для нее эти отсрочки с Ганимом, влюбленным, похищенным любовью, и ее горести и печали увеличились, она произнесла, утомленная думою, такие стихи:

«Надолго ль, чудо прелести, жестокость?
Кто побудил тебя лик отвратить свой?
Все свойства прелести в себе собрал ты
И все виды красот себе присвоил.
Направил страсть ко всякому ты сердцу,
Но веки ты вручил ночному бденью.
Я знаю, плод с ветвей срывали прежде,
Но вижу, ветвь арака[11] не сорвешь ты.
Ловил обычно я газелей юных,
Но вижу, сам ты щитоносцев ловишь.
Всего страннее, – о, тебе скажу я, –
Что очарован я, а ты не знаешь.
Не будь же щедр на близость: я ревную
Тебя к тебе же, а к себе – тем паче.
И не скажу, покуда жив, тебе я:
«Надолго ль, чудо прелести, жестокость?»

И они провели некоторое время в таком положении, и страх удерживал Ганима от девушки, и вот что было с Ганимом ибн Айюбом, влюбленным, похищенным любовью.

Что же касается Ситт-Зубейды, то она, сделав с Кут-аль-Кулуб в отсутствие халифа такое дело, впала в смущение и стала говорить: «Что я скажу халифу, когда он приедет и спросит о ней, и каков будет мой ответ ему?» И она позвала старуху, бывшую у нее, и посвятила ее в свою тайну и спросила ее: «Что мне делать, раз с Кут-аль-Кулуб была допущена крайность?» И старуха, поняв положение, ответила ей: «Знай, о госпожа, что приезд халифа близок, но пошли за плотником и вели ему сделать для тебя изображение мертвой из дерева, и мы выроем могилу посреди дворца и похороним ее. А ты построй над могилой часовню, где мы зажжем свечи и светильники, и прикажем всем, кто есть во дворце, одеться в черное. И вели твоим невольницам и евнухам, чтобы они, когда узнают, что халиф вернулся из путешествия, разостлали в проходах солому, а когда халиф войдет и спросит, в чем дело, ему скажут: «Кут-аль-Кулуб умерла, – да увеличит Аллах воздаяние тебе за нее, – и она так дорога ее госпоже, что та похоронила ее в своем дворце». И, услышав это, халиф заплачет, и ему станет тяжело, и он устроит по ней чтения и будет не спать ночей у ее могилы, а если он подумает: «Дочь моего дяди, Зубейда, из ревности постаралась сгубить Кут-аль-Кулуб», или им овладеет страсть, и

[11] Игра слов, основанная на одинаковом звучании слова «арака», которое переводится и как «я тебя вижу» и как название растения.

он велит вынуть ее из могилы, не пугайся этого: когда могилу разроют и обнаружат это изображение, подобное человеку, халиф увидит ее, завернутую в роскошные пелены, но если он захочет снять с нее эти пелены, чтобы посмотреть на нее – удержи его от этого, и другие тоже будут его удерживать и скажут: «Видеть ее срамоту запретно!» И тогда халиф поверит, что она умерла, и положит ее обратно, и отблагодарит тебя за твой поступок, и ты освободишься, если захочет Аллах великий, из этой западни».

И, услышав слова старухи, Ситт-Зубейда нашла их правильными и наградила старуху одеждой и велела ей так и сделать, дав ей сначала много денег. И старуха тотчас же принялась за дело и велела плотнику изготовить такое изображение, как мы упомянули. И когда изображение было готово, она принесла его Ситт-Зубейде, и та завернула его в саван и похоронила и зажгла свечи и светильники и разостлала ковры вокруг могилы и оделась в черное и приказала рабыням также надеть черные одежды, и во дворце распространилась весть, что Кут-аль-Кулуб умерла.

А через некоторое время халиф вернулся и вошел во дворец, и ему ни до чего не было дела, кроме Кут-аль-Кулуб. И он увидал, что слуги, евнухи и невольницы одеты в черное, и сердце халифа задрожало. А войдя во дворец, к Ситт-Зубейде, он увидел, что и она одета в черное, и тогда халиф спросил, в чем дело, и ему рассказали о смерти Кут-аль-Кулуб, и он упал, потеряв сознание. А очнувшись, он спросил, где ее могила, и Ситт-Зубейда сказала ему: «Знай, повелитель правоверных, она была мне так дорога, что я похоронила ее во дворце». И тогда халиф, в дорожной одежде, пошел к могиле Кут-аль-Кулуб, чтобы навестить ее, и увидал, что разостланы ковры и горят свечи и светильники. И, увидев это, он поблагодарил Ситт-Зубейду за ее поступок, но не знал, что думать об этом деле, и то верил, то не верил. А когда беспокойство овладело им, он приказал раскопать могилу и извлек оттуда погребенную. И, увидав саван, он хотел его развернуть, чтобы посмотреть на нее, но побоялся Аллаха великого, и старуха сказала: «Положите ее на место!» И после этого халиф сейчас же велел привести законоведов и чтецов и устроил над ее могилой чтения и сидел подле могилы плача, пока не лишился чувств. И он сидел у ее могилы целый месяц…

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок вторая ночь

Когда же настала сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф не переставал приходить к могиле в течение месяца. И случилось так, что халиф вошел в гарем, когда эмиры и везири разошлись по домам, и проспал немного, и у него в головах сидела невольница и обмахивала его опахалом, а другая невольница, у его ног, растирала их. И халиф спал и проснулся и открыл глаза и зажмурил их и услышал, как та невольница, что сидела в головах, сказал невольнице, бывшей у ног: «Послушай-ка, Хайзуран!» И та ответила: «Да, Кадыб-аль-Бан!» И первая сказала: «Наш господин не ведает, что случилось, он не спит, проводя ночи у гроба, где ничего нет, кроме обструганной деревяшки, которую сделал плотник». – «А Кут-аль-Кулуб, что же с ней случилось?» – спросила другая. И первая девушка сказала ей: «Знай, что Ситт-Зубейда послала с невольницей кусок банджа и одурманила Кут-аль-Кулуб. Когда бандж овладел ею, Ситт-Зубейда положила ее в сундук и велела Сауабу и Кафуру вынести его из гробницы». И вторая невольница спросила: «Послушай, Кадыб-аль-Бан, разве госпожа Кут-аль-Кулуб не умерла?» – «Нет, клянусь Аллахом, – да сохранит он ее юность от смерти! – отвечала невольница. – Я слышала, как Ситт-Зубейда говорила, что Кут-аль-Кулуб у одного юноши, купца, по имени Ганим ибн Айюб Дамасский, и что с сегодняшним днем она у него четыре месяца. А наш господин плачет и не спит ночей над гробом, в котором ничего нет».

И они еще долго говорили об этом, и халиф слушал их, а когда невольницы окончили разговор, халиф узнал все: и то, что могила поддельная, не настоящая, и то, что Кут-аль-Кулуб уже четыре месяца у Ганима ибн Айюба.

И халиф разгневался великим гневом и поднялся и вошел к эмирам своего царства, и тогда Джафар Бармакид приблизился к нему и поцеловал перед ним землю, а халиф с гневом сказал ему: «Джафар, ступай с людьми и спроси, где дом Ганима ибн Айюба. Обыщите его дом и приведите ко мне мою невольницу Кут-аль-Кулуб. Я непременно подвергну его пытке!» И Джафар отвечал вниманием и повиновением. И тогда Джафар отправился с толпою народа, и вали вместе с ним, и они шли до тех пор, пока не пришли к дому Ганима.

Ганим в это время выходил, чтобы принести котелок мяса, и протянул руку, чтобы съесть мясо вместе с Кут-аль-Кулуб, но девушка бросила взгляд и увидела, что беда окружила их дом со всех сторон. Везирь, вали, стражники и невольники с обнаженными мечами, вынутыми из ножен, окружили его, как белое в глазу окружает черное. И тогда она поняла, что весть о ней дошла до халифа, ее господина, и убедилась в своей гибели, и лицо ее пожелтело, и прелести ее изменились, и она посмотрела на Ганима и сказала ему: «О мой любимый, спасай свою душу!» – «Как мне поступить и куда я пойду, когда мое имущество и достаток в этом доме?» – отвечал Ганим; и она сказала: «Не медли, чтобы ты не погиб и не пропали твои деньги». – «О возлюбленная, о свет моего глаза, – отвечал Ганим, – как мне сделать, чтобы выйти, когда дом окружен?» И Кут-аль-Кулуб сказала ему: «Не бойся!» И, сняв с него платье, надела на него поношенную одежду и, принеся котелок, где было мясо, положила туда кусок хлеба и чашку с кушаньем и все это сложила в корзину, которую поставила Ганиму на голову, и сказала ему: «Выйди с помощью этой хитрости и не бойся за меня. Я знаю, насколько халиф у меня в руках». И, услышав слова Кут-аль-Кулуб и то, что она ему посоветовала, Ганим прошел среди людей, неся корзину и то, что было в ней. И покровитель покрыл его, и он спасся от козней и бедствий, охраняемый своими чистыми намерениями.

А везирь Джафар, прибыв к дому, сошел с коня и вошел в дом и взглянул на Кут-аль-Кулуб, которая уже украсилась и разубралась и приготовила сундук золота, украшений, самоцветов и редкостей из того, что легко весом, но дорого по цене. И когда Джафар вошел к ней и увидал ее, она поднялась на ноги и поцеловала землю меж его рук и сказала ему: «О господин

мой, издревле начертал калам то, что судил Аллах». И, увидев это, Джафар сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа, он поручил мне лишь схватить Ганима ибн Айюба». – «О господин, – отвечала она, – он собрал товары и отправился с ними в Дамаск, и я не имею о нем вестей. Я хочу, чтобы ты сохранил мне этот сундук; отвези его и отдай мне во дворце халифа». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь». И он взял сундук и приказал отнести его. Кут-аль-Кулуб отправилась с ними во дворец халифа, окруженная уважением и почетом, и это было после того, как разграбили дом Ганима.

И Джафар рассказал халифу обо всем, что случилось, и халиф приказал отвести Кут-аль-Кулуб в темное помещение и поселил ее там, приставив к ней одну старуху, чтобы исполнять ее нужды, так как он думал, что Ганим развратничал с нею и делил с ней ложе. А потом халиф написал эмиру Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни (а он был наместником в Дамаске) приказ такого содержания: «В час прибытия этого приказа ты схватишь Ганима ибн Айюба и пришлешь его ко мне». И когда приказ прибыл к эмиру, тот поцеловал его и приложил к своей голове, а затем он велел кричать на рынках: «Кто хочет пограбить, пусть отправляется к дому Ганима ибн Айюба!» И люди пошли к дому и увидели, что мать Ганима и его сестра сделали ему могилу посреди дома и сидят возле нее, плача о нем. И их схватили и разграбили дом, а женщины не знали, в чем дело. И когда их привели к султану, тот спросил их о Ганиме, и они ответили: «Уже год или больше, как мы не можем ничего узнать о нем». И султан вернул их на прежнее место. Вот что было с ними.

Что же касается Ганима ибн Айюба, порабощенного, похищенного, то когда его имущество было разграблено, он осмотрел свое состояние и начал оплакивать себя так, что его сердце чуть не разорвалось от горя. Он вышел и шел наугад до конца дня (а его голод усилился и ходьба утомила). Достигши какого-то селения, Ганим вошел в него и направился в мечеть и, сев на циновку, прислонился спиною к стене и откинулся, будучи до крайности голоден и утомлен. И он пребывал так до утра, а сердце его еле билось от голода, и вши бегали по его потному телу. И от него стало дурно пахнуть, и его состояние ухудшилось.

Утром жители этого селения пришли совершить молитву и нашли Ганима, который лежал слабый и похудевший от голода, но на нем были явные следы былого богатства. И когда люди помолились и подошли к нему, они увидели, что он холодный и голодный, и дали ему старую одежду, у которой обносились рукава, и сказали: «О чужеземец, откуда ты будешь родом и какова причина твоей болезни?» И Ганим открыл глаза и заплакал, но не ответил им. И один из них ушел (он понял, что Ганим голоден) и принес ему чашку меду и пару лепешек, и Ганим немного поел, а люди посидели у него, пока не взошло солнце, и ушли по своим делам. И он пребывал в таком положении месяц, оставаясь у них, и его слабость и болезнь увеличились, и люди плакали о нем и жалели его, и, посоветовавшись между собой, они сошлись на том, чтобы доставить его в больницу, которая в Багдаде. И пока это было так, вдруг подошли к Ганиму две женщины, нищенки (а это были его мать и сестра), и, увидав их, он отдал им хлеб, лежавший у его изголовья, и они проспали подле него эту ночь, а он так и не узнал их.

А когда наступил следующий день, жители селения пришли к нему и привели для него верблюда и сказали верблюжатнику: «Свези этого больного на верблюде, а когда достигнешь Багдада, положи его в воротах больницы: быть может, он исцелится и выздоровеет, а тебе достанется небесная награда».

И верблюжатник отвечал: «Внимание и повиновение!» И после этого Ганима ибн Айюба вынесли из мечети вместе с циновкой, на которой он лежал, и положили на верблюда. И его мать и сестра пришли посмотреть на него в числе прочих людей, не узнавая его, но потом они взглянули на него и всмотрелись внимательно и сказали: «Он похож на Ганима, нашего сына. Посмотреть бы, он ли этот больной, или нет».

А что до Ганима, так он очнулся только тогда, когда его везли на верблюде, привязанным веревкой, и стал плакать и жаловаться, а жители селения смотрели на его мать и сестру, кото-

рые плакали о нем, не узнавая его. Мать и сестра Ганима продолжали свой путь и достигли Багдада, а верблюжатник вез его до тех пор, пока не положил у ворот больницы, а потом он взял своего верблюда и уехал. И Ганим лежал у ворот до самого утра. И когда народ начал ходить по дороге, его увидели (а он стал тонок, как зубочистка), и люди смотрели на него. И пришел староста рынка и отстранил от него людей и сказал: «Я стяжаю рай благодаря этому бедняге, ведь когда его снесут в больницу, его убьют в один день».

И он велел своим молодцам отнести Ганима, и его снесли в его дом, и староста постлал ему новую постель и положил новую подушку и сказал своей жене: «Ходи за ним хорошенько!» И она отвечала: «Хорошо, слушаю!» А затем она подобрала полы своей одежды, и согрела воды и вымыла Ганима и надела на него рубаху из рубах ее невольниц и дала ему выпить чашку питья и брызнула на него розовой водой, и тогда Ганим очнулся и жалобно застонал – он вспомнил свою возлюбленную Кут-аль-Кулуб, – и его горести увеличились. Вот что было с ним. Что же касается Кут-аль-Кулуб, то когда халиф разгневался на нее…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок третья ночь

Когда же настала сорок третья она сказала: «Дошло до меня, о ночь счастливый царь, что Кут-аль-Кулуб, когда халиф разгневался на нее и поселил ее в темном месте, провела в таком положении восемьдесят дней. И случилось так, что в какой-то день халиф проходил мимо этого помещения и услышал, как Кут-аль-Кулуб произносит стихи, а окончив свое стихотворение, она сказала: «О мой любимый, о Ганим, как ты прекрасен и как воздержна твоя душа. Ты поступил хорошо с тем, кто был злодеем, и охранял честь того, кто погубил твою честь. Ты охранял его гарем, а он захватил тебя и захватил твоих близких, но неизбежно и тебе и повелителю правоверных встать перед праведным судьей, и тебе будет оказана против него справедливость в тот день, когда будет судьею владыка, – величие и слава ему, – а свидетелями будут ангелы».

И когда халиф услышал ее слова и уразумел ее сетованья, он понял, что Кут-аль-Кулуб обижена, и вошел в свой дворец и послал за нею Масрура, евнуха, и она явилась перед ним, понурив голову, с плачущим оком и печальным сердцем. И халиф сказал ей: «О Кут-аль-Кулуб, я вижу, ты жалуешься на меня и приписываешь мне несправедливость и утверждаешь, что я дурно поступил с тем, что хорошо поступил со мною. Кто же тот, кто охранил мою честь, а я подверг его честь позору, и кто охранил мой гарем, а я его гарем похитил?» – «Это Ганим ибн Айюб, он не приблизился ко мне с мерзостью или злом, клянусь тебе, о повелитель правоверных», – отвечала она. И халиф воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Пожелай от меня, Кут-аль-Кулуб, и ты получишь!» – «Я желаю от тебя моего любимого, Ганима ибн Айюба», – сказала Кут-аль-Кулуб.

И халиф подчинился ее желанию, а она добавила: «И когда он явится, о повелитель правоверных, подари ему меня». – «Если он явится, я дам ему тебя в подарок от благородного, который не берет обратно дары», – отвечал халиф; и девушка сказала: «О повелитель правоверных, позволь мне поискать его, быть может, Аллах соединит меня с ним». И халиф промолвил: «Делай, что вздумаешь!» И Кут-аль-Кулуб обрадовалась и вышла, захватив с собою тысячу динаров золотом, и посетила шейхов и раздала за Ганима милостыню, а на второй день она пошла на рынок купцов и осведомила старосту рынка и дала ему денег, сказав: «Раздай их чужеземцам!» – и ушла.

А в следующую пятницу она пошла на рынок, взяв с собою тысячу динаров, и, придя на рынок золотых дел мастеров и торговцев драгоценностями, она позвала старосту и, когда тот явился, дала ему тысячу динаров и сказала: «Раздай их чужеземцам».

И надзиратель, то есть староста рынка, посмотрел на нее и спросил: «О госпожа, не согласишься ли ты пойти со мною в мой дом и посмотреть на того чужеземца-юношу, как он прекрасен и совершенен?» (А это был Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный любовью, но надзиратель не знал его и думал, что это бедный человек, имеющий долги, чье богатство расхищено, или влюбленный, расставшийся с любимыми.) И когда Кут-аль-Кулуб услыхала его слова, ее сердце затрепетало, и все внутри у нее заволновалось, и она сказала: «Пошли со мною кого-нибудь, кто бы доставил меня к твоему дому». И староста послал с нею маленького мальчика, который привел ее к тому дому, где был чужеземец, гость старосты. И Кут-аль-Кулуб поблагодарила его за это и, придя к дому, вошла в него и поздоровалась с женой старосты, и жена старосты поднялась и поцеловала перед нею землю, так как она узнала ее.

И Кут-аль-Кулуб спросила: «Где больной, который у тебя?» И женщина заплакала и сказала: «Вот он, о госпожа! Клянусь Аллахом, он сын родовитых людей и на нем следы благосостояния; вот он, на постели». И Кут-аль-Кулуб повернулась и взглянула на него и увидела, что это как будто он самый, но она увидала, что он совершенно изменился и сильно похудел и отощал, так что сделался, как зубочистка.

И ее охватило сомнение насчет него, и она не была уверена, что это он, но ее взяла жалость к нему, и она заплакала и сказала: «Поистине, чужеземцы несчастны, даже если они были эмирами в своей стране!» И ей стало тяжело из-за него; хотя она не знала, что это Ганим, сердце ее из-за него болело. Она приготовила больному питье и лекарство и посидела немного у его изголовья, а потом она уехала и отправилась во дворец.

И она стала ездить по всем рынкам, ища Ганима, а потом староста привел его мать и сестру Фитну и вошел с ними к Кут-аль-Кулуб и сказал: «О госпожа благодетельниц, в ваш город пришли в сегодняшний день одна женщина и ее дочь; их лица прекрасны, и на них следы благосостояния, и былое счастье их ясно видно, но только они одеты в волосяную одежду, и у каждой из них висит на шее мешок, и глаза их плачут, и их сердца печальны. И вот я привел их к тебе, чтобы ты их приютила и охранила от нищеты, так как они не достойны нищенства. И мы, если захочет Аллах, войдем из-за них в рай». – «Клянусь Аллахом, господин мой, ты внушил мне желание увидеть их. Где же они? – спросила Кут-аль-Кулуб. Ко мне их!» – сказала она старосте, и тот велел евнуху ввести женщин. И тогда Фитна и ее мать вошли к Кут-аль-Кулуб.

И, увидев их (а они были прекрасны), она заплакала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, это дети благосостояния, на них ясно видны следы богатства!»

И тут жена старосты сказала: «О госпожа, мы любим бедных и несчастных ради небесной награды, а этих, может быть, обидели стражники и отобрали их богатство и разрушили их жилище». И несчастные разразились сильным плачем и подумали о том, как они были богаты и как стали бедны и печальны, и вспомнили Ганима ибн Айюба, влюбленного, похищенного любовью, и, когда они заплакали, Кут-аль-Кулуб заплакала вместе с ними. И они сказали: «Просим Аллаха, чтобы он нас свел с тем, с кем мы хотим, это мой сын, чье имя Ганим ибн Айюб». И, услышав эти слова, Кут-аль-Кулуб поняла, что эта женщина – мать ее возлюбленного, а другая – его сестра. И она заплакала так, что лишилась чувств, а очнувшись, она обратилась к женщинам и сказала: «С вами не будет беды! Сегодняшний день – начало вашего счастья и конец вашего несчастья, – не печальтесь же…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок четвертая ночь

Когда же настала сорок четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Кут-аль-Кулуб сказала им: «Не печальтесь!», а потом она велела старосте взять их к себе в дом и сказать жене, чтобы она свела их в баню и одела в хорошую одежду и заботилась о них и почитала их крайним почетом. И дала ему немного денег. А на другой день Кут-аль-Кулуб села и поехала к дому старосты и вошла к его жене, а та поднялась и поцеловала ей руки и поблагодарила ее за милость. И Кут-аль-Кулуб увидела, что жена старосты сводила мать Ганима и его сестру в баню и переменила бывшую на них одежду, и следы благосостояния стали видны на них.

И она посидела, разговаривая с ними, некоторое время, а потом спросила жену старосты о больном, который у нее, и когда та ответила: «Он в том же положении», Кут-аль-Кулуб сказала: «Пойдемте посмотрим на него и навестим его».

И она с женой старосты и мать с сестрой Ганима вошли к нему и сели подле него. И когда Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный, услышал, что они упоминают о Кут-аль-Кулуб (а его тело стало худым и кости его размякли), дух вернулся к нему, и он поднял голову с подушки и позвал: «О Кут-аль-Кулуб!» И она посмотрела на него и вгляделась и узнала его и вскрикнула: «Да, о мой любимый!» И Ганим сказал ей: «Приблизься ко мне», а она спросила: «Быть может, ты Ганим ибн Айюб, порабощенный, похищенный?» И Ганим отвечал ей: «Да, это я», и тут она упала в обморок, а когда его сестра Фитна и его мать услышали их слова, они вскричали: «О радость!» – и упали без чувств.

А потом они очнулись, и Кут-аль-Кулуб сказала: «Слава Аллаху, который свел нас с тобой и с твоей матерью и сестрой!» – и подошла к нему и рассказала обо всем, что случилось у нее с халифом.

«Я открыла правду повелителю правоверных, и он поверил моим словам и простил тебя, и в сегодняшний день он желает тебя видеть, – сказала она и добавила: – Он подарил меня тебе». И Ганим до крайности обрадовался этому. И Кут-аль-Кулуб сказала им: «Не двигайтесь, пока я не приду», – и тотчас же, в ту же минуту, поднялась и отправилась во дворец и привезла сундук, который она взяла из дома Ганима, и, вынув оттуда несколько динаров, дала их старосте и сказала: «Возьми эти деньги и купи для каждого из этих людей по четыре полных одежды из лучшей материи и двадцать платков и прочее, что им нужно». А потом она отвела их и Ганима в баню и велела их вымыть и приготовила им отвары и сок калгана и яблочной воды, когда они вышли из бани и надели одежды. И она провела у них три дня, кормя их куриным мясом с отварами и поя их водою с очищенным сахаром, а через три дня душа вернулась к ним, и она свела их в баню вторично и, когда они вышли, переменила на них одежду и оставила их в доме старосты, а сама уехала во дворец.

И она попросила у халифа разрешения войти, и халиф позволил ей, и, войдя, она поцеловала перед ним землю и осведомила его об этом деле и о том, что появился ее господин, Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный, и его мать и сестра тоже явились.

И, услышав слова Кут-аль-Кулуб, халиф сказал евнухам: «Ко мне с Ганимом!» И Джафар отправился к нему, а Кут-аль-Кулуб опередила его и, войдя к Ганиму, сказала ему: «Халиф послал к тебе и требует тебя пред лицо свое». И она научила его быть красноречивым в речах и укрепить свою душу и говорить мягко, и одела его в роскошное платье и дала ему динары во множестве и сказала: «Будь очень щедр к приближенным халифа, когда будешь входить к нему».

И вдруг Джафар приблизился к нему на своем нубийском муле, и Ганим поднялся и встретил его и приветствовал и поцеловал перед ним землю, и звезда его счастья появилась и засияла. И Джафар взял его, и они долго ехали, он и Джафар, пока не вошли к повелителю

правоверных. И когда они предстали перед ним, Ганим взглянул на везирей, эмиров, придворных, наместников, вельмож правления и обладателей могущества и высказался нежно и красноречиво, а затем он взглянул на халифа и, склонив голову к земле, произнес такие стихи:

«Да будешь жив, о владыка высший саном,
Чьих подарков ряд и даров течет чредою!
Не хотят они никого другого из кесарей
Видеть в месте сем, ни владык дворца Хосроев[12],
И цари слагают в пыли порогов палат его,
При приветствии, драгоценные короны,
А когда посмотрят они глазами в лицо ему,
Припадают в страхе к земле они брадою.
И приносят им заодно с прощеньем хоромы те,
И высокий чин, и султана сан преславный.
Для войск твоих тесны пустыни и мир людей –
Так разбей же лагерь в высотах ты Сатурна.
Да хранит тебя повелитель всех своей силою –
Ты душою тверд и в делах своих расчетлив.
И всю гладь земли ты покрыл справедливостью,
И равняешь ею и дальних ты и близких».

И когда он окончил свои стихи, халиф возвеселился, и ему понравилось красноречие языка Ганима и нежность его выражений…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

[12] Хосрой – имя двух персидских царей из династии Сасанидов (III–VII вв.). Легенда приписывает им огромное богатство и могущество. Великолепный дворец в городе Ктесифоне на берегах Тигра, построенный в III в., о котором здесь говорится, арабы называют «дворцом Кисры», то есть Хосроя.

Сорок пятая ночь

Когда же настала сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халифу понравилось красноречие и стихи и нежность выражений Ганима, и он сказал ему: «Приблизься ко мне!» И когда Ганим приблизился, халиф молвил: «Изъясни мне твою историю и осведоми меня о твоем деле». И Ганим сел и рассказал халифу о том, что случилось с ним в Багдаде; как он спал в гробнице и взял сундук у негров, когда они ушли, и поведал ему обо всем, что случилось, с начала до конца, – а в повторении нет пользы.

Халиф, узнавши, что Ганим говорит правду, наградил его и приблизил к себе и сказал: «Очисти меня от ответственности!» И Ганим снял с него ответственность и сказал: «О владыка султан, поистине раб и то, чем владеют его руки, принадлежат господину его». И халиф возрадовался. А потом он велел отвести Ганиму дворец и назначил ему выдачи и жалованья и дары многие, и затем перевел его туда и перевел его сестру и мать. И халиф прослышал о сестре его, Фитне, что она по красоте – искушение, и посватал ее у Ганима, а Ганим сказал ему: «Она твоя служанка, а я твой раб». И халиф поблагодарил его и дал ему сто тысяч динаров. И он вызвал свидетелей и судью, и обе записи написали в один день, то есть запись халифа и Фитны и запись Ганима ибн Айюба с Кут-аль-Кулуб. И халиф с Ганимом вошли к своим женам в одну и ту же ночь. А наутро халиф приказал занести в летопись все, что случилось с Ганимом по его рассказу, с начала до конца, и на вечные времена сохранить в казне, чтобы читал тот, кто придет после него, и изумлялся бы превратностям судеб, и вручил бы дела свои Творцу ночи и дня.

Но это нисколько не удивительнее повести о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом его сыне, Дау-аль-Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах».

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах (ночи 45-145)

«А какова их повесть?» – спросил царь.

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в городе Мира[13], в славное халифство Абд-аль-Мелика ибн Мервана, царь, которого звали Омар ибн ан-Нуман. Он был из великих властителей и покорил царей – Хосроев и кесарей[14], и нельзя было греться у его огня[15]. И не гонялся с ним никто на ристалище, и когда он был гневен, из ноздрей его вылетали искры. Он овладел всеми землями, и Аллах подчинил ему всех рабов своих, и веления его исполнялись во всех городах, а войска его достигли отдаленнейших краев. И вошли под власть его и восток и запад и то, что меж ними, – и Хинд, и Синд, и Китай; и земля аль-Хиджаз и страна аль-Пемен; и острова Индии и Китая; и страны севера; Диар-Бекр и земля Черных и острова морей, и все, какие есть на земле, знаменитые реки, – Сейхун и Джейхун[16], Нил и Евфрат.

И он послал своих послов в отдаленнейшие города, чтобы они принесли ему верные сведения, и они вернулись и рассказали о том, что там справедливость, повиновение и безопасность, и люди молятся за султана Омара ибн ан-Нумана. Вот! А Омар ибн ан-Нуман, о царь времени, обладал великою знатностью, и к нему везли дары и редкости и подать изо всех мест.

И был у него сын, которого он назвал Шарр-Каном, и был он более всех людей похож на него, и вырос он как бедствие из бедствий судьбы, и покорял доблестных и уничтожал соперников. И отец полюбил его великою любовью, больше которой не бывает, и поручил ему царствовать после себя. И Шарр-Кан рос и достиг возраста мужей, и стало ему двадцать лет жизни, и Аллах подчинил ему всех рабов – такова была сила его ярости и суровости. А у отца его Омара ибн ан-Нумана было четыре жены, согласно Книге и установлениям[17], но только ему не было дано от них сына, кроме Шарр-Кана, который был от одной из них, а остальные были бесплодны, и ни от одной из них он не имел ребенка.

А вместе с этим у него было триста шестьдесят наложниц, по числу дней в году у коптов[18], и эти наложницы были из всех народов, и он устроил для каждой из них комнату (а эти комнаты были внутри дворца), и выстроил двенадцать дворцов, по числу месяцев в году, и сделал в каждом дворце тридцать комнат, так что всех комнат стало триста шестьдесят. И он поселил этих невольниц в тех комнатах и назначил каждой из наложниц одну ночь, которую он проводил у нее, и он приходил к ней только через целый год, и так он провел некоторое время.

И его сын Шарр-Кан прославился во всех странах, и отец его радовался ему, и сила его увеличилась, и он преступил границы и возгордился и завоевал крепости и земли. И по предопределенному велению было так, что одна невольница из невольниц Омара ибн ан-Нумана

---

[13] Город Мира – Багдад. Здесь имеет место анахронизм, каких немало в книге «1001 ночи»: город Багдад был заложен в 762 г., то есть через 58 лет после смерти упоминаемого здесь халифа

[14] Хосрои и кесари – персидские и византийские правители

[15] То есть никто не мог устоять против огня его ярости.

[16] Хинд – Индия, Синд – область в нижнем течении реки Инда, Диар-Бекр – область и город на правом берегу Тигра; Земля Черных – Судан; Сейхун и Джейхун – Сыр-Дарья и Аму-Дарья.

[17] Книга – Коран; установления – Сунна (правила поведения, установленные на основании преданий о словах и делах пророка Мухаммеда).

[18] Коптами арабы называли исконных обитателей Египта

понесла. И тягота ее стала известна, и царь узнал об этом и обрадовался великою радостью и сказал: «Быть может, будут все мои дети и мое потомство мужским!» И он отметил время, когда она понесла, и стал ей оказывать благоволение.

И Шарр-Кан узнал об этом и сделался озабочен, и ему показалось великим это дело, и он сказал: «Явится тот, то будет оспаривать у меня царство! Если эта невольница родит дитя мужского пола, я убью его». Но мысли эти он скрыл в своей душе. Вот что было с Шарр-Каном.

Что же касается невольницы, то это была румийка[19], и ее прислал в подарок царь румов, властитель Кайсарии[20], и прислал вместе с нею редкости во множестве. А имя ее было Суфия, и была она прекраснее всех невольниц и красивее их лицом, и она лучше их всех соблюдала свою честь и обладала в избытке умом и блестящею прелестью. И она прислуживала царю в ту ночь, которую он проводил у нее, и говорила ему: «О царь, я желала бы от Господа Небес, чтобы он тебя наделил от меня ребенком мужского пола, и я могла бы хорошо воспитать его и старательно образовать и уберечь».

А царь радовался, и ее слова нравились ему. И она поступала так, пока не исполнились ее месяцы, и тогда она села на седалище родов, а во время беременности она была праведна и хорошо соблюдала благочестие и молила Аллаха, чтобы он наделил ее здоровым ребенком и облегчил ей роды, и Аллах принял ее молитву. А царь поручил евнуху сообщить ему, кого она родит: дитя мужского пола или женского. И сын его Шарр-Кан также послал кого-то, чтобы осведомить его об этом.

И когда Суфия родила, повитухи осмотрели новорожденного, и оказалось, что эта девочка с лицом яснее месяца. И они сообщили о ней присутствующим, и посланец царя воротился и рассказал ему, и посланец Шарр-Кана тоже рассказал ему об этом, и тот обрадовался великою радостью. А когда евнухи ушли, Суфия сказала повитухам: «Подождите со мною немного, я чувствую во внутренностях еще что-то другое!» И она застонала, и роды пришли к ней вторично, но Аллах помог ей, и она родила второго младенца, и, когда повитухи осмотрели его, они увидали, что это дитя мужского пола, похожее на луну, с сияющим лбом и румяными, розовыми щеками.

И невольница, и слуги, и челядь обрадовались ему, а также и все, кто присутствовал при этом, и Суфия выкинула послед, а во дворце уже поднялись крики радости, и остальные невольницы услыхали и позавидовали ей.

И эта весть дошла до Омара ибн ан-Нумана, и он возвеселился и обрадовался и, поднявшись, вышел и поцеловал Суфию в голову и посмотрел на новорожденного, а затем он склонился над ним и поцеловал его. А невольницы забили в бубны и заиграли на инструментах, и царь повелел, чтобы новорожденного назвали Дау-аль-Макан, а сестру его – Нузхат-аз-Заман. И его приказанию последовали и ответили вниманием и повиновением, и царь назначил младенцам, чтобы ходить за ними, кормилиц, и слуг, и челядь, и нянек и установил им выдачи сахара, напитков, масел и прочего, что описать бессилен язык.

И жители Багдада услышали о том, какими наделил Аллах царя детьми, и город украсился, и стали бить в литавры, и эмиры, везири и вельможи царства пришли и поздравили царя Омара ибн ан-Нумана с сыном Дау-аль-Маканом и дочерью Нузхат-аз-Заман. И царь благодарил их за это и наградил их и умножил им свои милости, одаряя их, и облагодетельствовал присутствующих, приближенных и простых. И в таком положении он пребывал, пока не прошло четыре года, и через каждые несколько дней он спрашивал о Суфии и ее детях, а после четырех лет он приказал перенести к ней множество драгоценностей, одежд и украшений и денег и поручил ей воспитать детей и хорошо обучить их.

---

[19] Румами в странах Ближнего Востока называли жителей Византии.

[20] Кайсария – под этим названием у арабов известно два города: в Каледине (в 126 г. он был взял мусульманами и разрушен) и в Малой Азии.

И при всем этом царевич Шарр-Кан не знал, что его отцу Омару ибн ан-Нуману было дано дитя мужского пола, и не ведал, что у его отца есть ребенок, кроме Нузхат-аз-Заман, и от него скрывали сведения о Дау-аль-Макане, пока не прошли года и дни, а он был занят битвами с храбрецами и поединками с витязями. И вот в один из дней царь Омар ибн ан-Нуман сидит, и к нему входят придворные и, целуя землю меж его рук, говорят ему: «О царь, к нам пришли послы от царя румов, властителя Кустантынии великой[21], и они желают войти к тебе и предстать меж твоих рук. И если царь разрешит им войти, мы введем их, а иначе – нет возражения его приказу».

И царь разрешил им сойти, и когда они вошли, склонился к ним и встретил их и спросил, кто они и какова причина их прибытия, и гонцы поцеловали землю меж его рук и сказали: «О великий царь, щедрый на руку, знай, что нас послал к тебе царь Афридун, властитель стран греческих и войск христианских, пребывающий в царстве аль-Кустантынии. Он извещает тебя, что ныне он ведет жестокую войну с упорным гордецом – властителем Кайсарии, и причина этому в том, что одному из царей арабов случилось в древние времена, в один из своих походов, найти клад времен аль-Искандера[22], и он перевез оттуда богатства неисчислимые, и среди того, что он нашел, было три круглых драгоценных камня, величиною с яйцо страуса, и были они из россыпи белых, чистых камней, которым не найти равных. И на каждом камне были вырезаны греческими письменами дела тайные и им присущи многие полезные свойства и особенности, и одно из этих свойств то, что всякого младенца, на чью шею повесят один из этих камней, не поразит болезнь, пока этот камень будет висеть на нем, и не застонет он, и его не залихорадит.

И когда он нашел их и наложил на них руку и узнал, какие были в них тайны, он послал царю Афридуну в подарок некоторые редкости и деньги и, между прочим, эти три камня. И снарядил два корабля, на одном из которых были деньги, а на другом – люди, чтобы охранять эти подарки от случайных встреч в море. Но он знал, что никто не властен задержать его корабли, так как он царь арабов, и в особенности потому, что путь кораблей, на которых подарки, пролегает по морю, входящему в царство царя аль-Кустантынии, и эти корабли направляются к нему, а на побережье этого моря нет никого, кроме подданных великого царя Афридуна.

И когда корабли были снаряжены, они поплыли и приблизились к нашим странам, и к ним вышли какие-то разбойники из этой земли, и среди них были войска от властителя Кайсарии. И они взяли все бывшие на кораблях редкости, и деньги, и сокровища, и три драгоценных камня, и перебили людей, и об этом узнал наш царь и послал на них войска, но они сломили его, и тогда он послал на них второе войско, сильнее первого, но и его также они обратили в бегство, и царь разгневался и поклялся, что непременно выйдет на них сам со всеми своими войсками и не вернется от них, пока не превратит Кайсарию армян в развалины и не оставит их землю и все страны, которыми правит их царь, разрушенными.

И желаем мы от владыки века и времени, царя Омара ибн ан-Нумана, властителя Багдада и Хорасана, чтобы он поддержал нас своим войском, дабы досталась ему слава, и наш царь прислал тебе с нами подарки всякого рода и просит, чтобы царь сделал ему милость, приняв их, и оказал бы ему милостивую помощь. И потом посланцы облобызали землю меж его рук…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

---

[21] Кустантыния великая – Константинополь.

[22] То есть Александра Македонского.

Сорок шестая ночь

Когда же настала сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что войска и посланцы, прибывшие от царя аль-Кустантынии, облобызали землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана, рассказав ему обо всем, и выложили ему подарки. А подарками были: пятьдесят невольниц из лучших земель румов и пятьдесят невольников, на которых были парчовые кафтаны с поясами из золота и серебра. И у каждого невольника в ухе было золотое кольцо с жемчужиной, ценою в тысячу мискалей[23] золота, и у невольниц также и на них были одежды, которые стоили больших денег. И, увидав их, царь принял их и обрадовался и велел оказать почет посланцам.

И он обратился к своим везирям и посоветовался с ними о том, что ему делать, и из среды их поднялся один везирь, – а это был дряхлый старец, по имени Дандан, – и поцеловал землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана и сказал: «О царь, самое лучшее в этом деле, чтобы ты снарядил большое войско, и поставил во главе его твоего сына Шарр-Кана, а мы будем перед ним слугами. И так поступить, по-моему, всего лучше по двум причинам: во-первых, царь румов прибег к твоей защите и прислал тебе подарки, которые ты принял. А вторая причина та, что враг не отважится вторгнуться в наши земли, и, если твое войско защитит царя румов и будет разбит его враг, это дело припишут тебе, и оно станет известно во всех землях и странах, и в особенности, когда весть об этом дойдет до морских островов и об этом прослышат жители Магриба[24], они понесут тебе дары, редкости и деньги».

Услышав это, царь остался доволен речами своего везиря и нашел их правильными и наградил его и сказал: «С подобными тебе советуются цари, и должно тебе быть в передовых войсках, а моему сыну Шарр-Кану в задних рядах войск!» И потом он велел призвать своего сына Шарр-Кана, и тот, явившись, поцеловал землю меж рук своего отца и сел, и царь рассказал ему об этом деле и поведал, что сказали посланцы и что высказал везирь Дандан. И он приказал ему приготовиться и снарядиться в путь и не перечить везирю Дандану в том, что тот будет делать, и велел ему выбрать из своих войск десять тысяч всадников в полном вооружении, стойких в боях и тяготах. И Шарр-Кан последовал тому, что сказал ему отец Омар ибн ан-Нуман, и тотчас же поднялся и выбрал из своих войск десять тысяч всадников. А потом он пошел в свой дворец и сделал смотр войскам и роздал им деньги и сказал: «Срок вам три дня», и они поцеловали землю меж его рук, покорные его приказу, и ушли от него и принялись готовиться и снаряжаться.

А Шарр-Кан вошел в кладовые с оружием и взял все, что было ему нужно из доспехов и вооружения, после чего направился в конюшни и выбрал коней, меченых и других. Так они проводил три дня, и потом войска вступили в окрестности города Багдада. И Омар ибн ан-Нуман вышел, чтобы проститься со своим сыном Шарр-Каном, и тот поцеловал перед ним землю, и царь подарил ему семь мешков денег. И, обратившись к везирю Дандану, он поручил ему войска своего сына Шарр-Кана, и везирь поцеловал землю меж его рук и ответил ему вниманием и повиновением. И царь обратился к своему сыну Шарр-Кану и велел ему советоваться с везирем обо всех делах, и Шарр-Кан согласился на это, а его отец вернулся и вошел в город.

И после этого Шарр-Кан велел начальникам сделать смотр, и они выстроили войска, а числом было их десять тысяч всадников, кроме тех, что следовали за ними. И потом войска тронулись и забили барабаны, и зазвучали трубы, и развернулись знамена и стяги. И царевич Шарр-Кан поехал, и везирь Дандан был рядом с ним, а знамена трепетали над их головами. И они двигались без остановки, предшествуемые послами, пока день не повернул на закат и

[23] Мискаль – приблизительно равняемся 4,5 грамма.

[24] Магриб (запад) – так арабы называют северо-западную Африку.

не приблизилась ночь. И тогда они спешились и отдохнули и провели эту ночь, а когда Аллах засветил утро, они сели на коней и поехали, ускоряя ход, в течение двадцати дней, а послы указывали им дорогу. А на двадцать первый день они подошли к долине, распространившейся во все стороны, обильной деревьями и растениями и обширно раскинувшейся. И прибытие их в эту долину случилось ночью. И Шарр-Кан приказал им спешиться и оставаться в этой долине три дня, и войска спешились и разбили палатки, и воины рассеялись направо и налево. Везирь Дандан, а с ним послы Афридуна, властителя аль-Кустантынии, расположился среди этой долины. А что до царя Шарр-Кана, то он, когда войско прибыло, постоял некоторое время, пока все не спешились и не рассеялись по долине. А потом он отпустил поводья своего коня и хотел осмотреть эту долину и нести охрану сам, следуя наставлениям отца, – они ведь подошли к стране румов, к земле врага. И он отправился один, приказав сначала своим невольникам и приближенным расположиться подле везиря Дандана, и ехал на своем коне по краю долины, пока не прошло четверти ночи.

И Шарр-Кан устал, и сон одолел его, и он был не в силах даже понукать своего коня, а у него была привычка спать на коне. И когда сон налетел на него, он уснул, и конь нес его, не останавливаясь, до полуночи и вошел о какую-то рощу, а в этой роще было много деревьев. И Шарр-Кан не проснулся, пока его конь не ударил копьем о землю. Только тогда Шарр-Кан пробудился и увидел себя среди деревьев, и месяц взошел над ним и осветил оба края неба. И Шарр-Кан пришел в недоумение, увидав себя в этом месте, и произнес слова, говорящий которые не смутится, то есть: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И пока он пребывал в таком состоянии, страшась диких зверей, вдруг лунный свет распространился над лугом, подобным одному из лугов рая, и он услышал прекрасные речи и громкий шум и смех, пленяющий умы мужей.

И царь Шарр-Кан сошел со своего коня и привязал его в деревьях и шел, пока не приблизился к струящемуся потоку воды. И тут он услышал слова женщины, говорившей по-арабски: «Клянись Мессией, нехорошо это от вас! Всякую, кто произнесет одно слово, я повалю и скручу поясом! Вот!» А Шарр-Кан шел на голоса и дошел до конца этого места и вдруг видит: течет река, порхают птицы, носятся лани и играют звери. А птицы на разных языках изъясняют свойства счастья. И это место было оплетено разными растениями, как сказал о нем кто-то из описывающих его в таком двустишии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.